

Александр Хвостов

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Умерла – так умерла

Александр Владимирович Хвостов

Умерла – так умерла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64195486

SelfPub; 2021

Аннотация

О чём моя новая книга? Я бы сказал так: она о непростых отношениях родителей и детей, о предательстве, о любви, о памяти, совести и их отсутствии. В этой книге можно найти и мистические, и реалистические рассказы. Однако дело не в жанре, а в том, что надо просто любить своих близких и помнить о них как при жизни, так и после смерти. Содержит нецензурную брань.

Содержание

«Поездка к отцу»	4
«Умерла – так умерла!»	11
«Это мой последний дом»	15
«Моя соседка Лиза»	20

Александр Хвостов

Умерла – так умерла

«Поездка к отцу»

Воскресный день. Рано утром я поехала на кладбище, на могилу к папе, где не была без малого две недели по вине непогоды: изо дня в день было дождливо, сыро и по-осеннему холодно, хотя тогда было лето. Помню, меня эта история так достала, что я, стоя перед иконой Христа, прямым текстом говорила ей: «Господи, молю тебя со всей любовью, какая есть в моём сердце: хотя бы на будущее воскресенье дай сухой и тёплой погоды! Я очень хочу проведать папу, без которого мне на этой земле тяжело и одиноко. Пожалуйста, Господи, сделай то, что я у тебя прошу! Во имя отца и сына, и святого духа. Аминь!» Кончив это, как мне кажется, подобию молитвы, я трижды перекрестилась. И мои слова дошли до адресата: в то воскресенье, о котором я пишу, бог дал хорошую и тёплую погоду. Впрочем, тогда это было далеко не единственным чудом, о котором я расскажу позже.

Наверно, следует рассказать про папу. Начну, пожалуй, с того, что он меня сам воспитывал. Где была моя мать – я до сих пор не имею понятия и даже концов в этой истории найти не могу: ни свадебных фотографий, ни дневников у

папы не было. Роль мамы тогда на себя взяла тётя Зоя, папина сестра. Хорошая женщина, добрая, улыбочивая, хотя, если надо было, и поругать могла, и по попе дать... Но это было очень редко и сердитости тёти Зои хватало минут на пять, а после она отходила и всё становилось нормальным. Но в отличие от папы, с которым я жила постоянно, тётя Зоя была моей «гостевой мамой», поскольку ходила я к ней по выходным и на каникулах. Чтобы покончить с вопросом о матери и перейти наконец к папе, расскажу один случай: мне было лет 14-ть и я рискнула спросить папу о маме (тётя Зоя тоже это слышала!). И вдруг я увидела, как у папы мгновенно поменялось лицо: из весёлого оно превратилось не то, чтобы в злое... Скорее в холодное, даже каменное, вроде тех лиц, которые я иной раз вижу на кладбищенских памятниках. И таким же каменным голосом мне сказал: «Лиза, твоя мама умерла, когда ты родилась: у неё отказало сердце. Я тебя прошу, не спрашивай ни меня, ни тётю Зою впредь об этом, пожалуйста!». Я машинально покорилась. И вот теперь, спустя 20-ть лет, я, по-моему, понимаю, почему у отца и фотографий маминых нет, и его такой ответ: она умерла для него, потому что, видимо, бросила меня с ним и сбегала к кому-то другому. Но это лишь моё предположение.

Папа, как и тётя Зоя, тоже был человеком строгим, но справедливым. Не помню случая, чтобы он ругал или наказывал меня не за дело. До сих пор хорошо помню два случая, когда папа отлупил меня от души: один раз это было, когда

я в те же 14-ть лет попробовала покурить (я сейчас уже не помню, кто меня угостил сигаретой, кажется, Сонька Лысова, моя одноклассница) и, как дура, пришла домой с запахом. Отец это учуял... Сказать, он меня выпорол, – это всё равно, что пожаловаться на шишку или синяк. Я думала, что у меня от зада и пыли не останется, так нехило мне отец его отделал ремнём. Про то, что я визжала, как свинья, которую решили зажарить живьём, я уж не говорю. К слову сказать, папа сам не курил никогда, и тогда он меня отвадил от табака надолго, приучив к спорту и отдав на плаванье. Жаль, что сейчас я и плавать бросила, и курить опять начала. Второй раз мне влетело за то, что я химичке на уроке сказала, что хочу быть переводчиком, и в гробу хотела бы видеть её дурацкую химию со всеми её законами и элементами, а ещё плюнуть на это всё туда. Наверняка, химичка, жалуясь отцу, сгустила краски... Однако, как бы там ни было, а всыпали мне всё же за дело.

Но при своей строгости, папа был добрый и весёлый человек. Сколько я себя помню, нам никогда не было скучно вместе: например, лепя пельмени, мы нередко могли обсудить или фильм, который мы вместе смотрели, или книгу, которую я читала, да и просто события из жизни класса папе были интересны. Кстати о книгах! Именно папа приучил меня читать и привил мне к этому делу любовь, за что ему большое спасибо. Про то, какова у папы была фантазия и как он мог буквально на ходу выдумать какую-нибудь весёлую

байку, я и вовсе молчу! Честное слово, я, слушая это и наедине с папой, и в компании гостей, когда они у нас бывали, всегда удивлялась трём его свойствам: быстроумию, лёгкости, с которой вёлся каждый рассказ, и умению папы подать всё так, что ты слушаешь, разинув рот и развесив уши, и не сразу разнюхаешь, что это байка. Жаль, я не помню ни одной такой истории... Да даже если бы помнила, я бы не сумела пересказать по-отцовски весело и легко. Но поверьте мне, посади с папой великого барона Мюнхгаузена – по-моему, папа его бы переплюнул. Ещё папа здорово играл в волейбол, пел и играл на гитаре. До сих пор в памяти нежный, спокойный перезвон гитарных струн и мягкий, но низкий голос отца. Он почему-то больше любил спокойные песни или романсы и пел их не менее ярко и живо, чем рассказывал свои байки. А что до волейбола – то, было дело, иногда мы вместе играли, благо, что и бассейн, и спортзал находились в одном помещении спорткомплекса «Тонус». И хотя я по первости, бывало, получала мячом по балде, но желания играть это у меня не отбивало, напротив, я лезла играть вновь и вновь, и даже ухитрялась забивать голы. И вот теперь, глядя на всё написанное, я задаюсь вопросом: откуда у папы было столько талантов? Ведь он был простым автомехаником.

Говоря о своём папе, как о справедливом человеке, не могу не отметить ещё одной его черты: он не давал меня в обиду ни в школьные годы, ни в начале моей студенческой поры... За что однажды заплатил своей жизнью. И виновными

в этом назначили моего (слава богу, бывшего) парня и одноклассника Григория Яшина и его дружка. Чёрт, аж мерзко стало, когда вспомнила имя этого гада. Если в двух словах – то вся история началась с того, что мы с Гришей поссорились из-за того, что я получила видео от некоей Анжелы, где она и Гриша занимались сексом. Я тогда потребовала у Гриши объяснений, на что мне было сказано: «Знаешь, а я даже и не раскаиваюсь! По крайней мере, у Анжелки и сиськи красивые, и ноги хоть куда, и попка тоже вполне аппетитная! Про то, что она, в отличие от тебя, которая корчит из себя хорошую девочку и прилежную студентку для папочки и тётушки, живёт легко и готова давать в любое время дня и ночи, я и не говорю. А ты так и сдохнешь старой девой или найдёшь такого же ботаника, как ты сама, у которого нет яиц, и будешь с ним в койке перед сном умные беседы вести вместо того, чем надо бы заниматься». Это всё меня взбесило – и я от всей души врезала Грише по щеке. Он стал избивать меня, ругаясь самой отборной бранью. Каким-то чудом в гостиную, где происходило всё это безобразие, влетел папа и, увидев данную сцену, выволок Гришу за шиворот на лестницу.

Я узнала о том, что папу убили Гриша с его друзьями, когда их взяли, и то по чистой, почти что невозможной, случайности: один из этих выродков явился в милицию и сдал всю компанию. И фамилия у него под стать: Стукачёв. На суде Гриша, видно, понимая, что назад хода нет, спокойно и

хладнокровно рассказал и о том, как отец ему надавал, когда выволок за шиворот, а после чего он (отец) сказал Грише: «Пока я жив, ни один сукин сын не ударит мою дочь!», на что Гриша, уходя, ответил: «Вот именно! Ты жив лишь пока!»

На другой день, вечером, когда папа шёл домой с работы, они его убили. Как говорил тот же Стукачёв, сперва он и трое его дружков забили папу до полусмерти, а потом Гриша зарезал его ножом в сердце, после чего все пошли отдыхать к одному из них. Простите, я больше не хочу писать про этих упырей. Скажу лишь, что их посадили надолго. И, слава богу!

Вот я на могиле папы. Я там всё прибрала, оставила цветочки и поминок, всё чин по чину... Сижу, глядя на его красивое, улыбающееся тёплой улыбкой лицо, впечатанное в серый, вечно мрачный гранитный камень, и сама улыбаюсь ему, будто бы он вот-вот оживёт и мы, хоть немножко, но поговорим. Я рассказываю папе о своей жизни, о муже и сыне, о своей работе в издательстве... Как вдруг я чувствую, что чьи-то руки обнимают мои плечи. Я обернулась и увидела перед собой папу. Я была в шоке, поскольку видела его в плоти, как если бы видела кого-то из вас... Помню, я папу даже потрогала – и он был тёплый, как при жизни.

– Папка, ты откуда? Неужели с того света? – спросила я, обалдев от увиденного.

– С него самого, доченька.

– Но как?

– Да просто боженька сделал мне милость и отпустил ненадолго, чтобы мы повидались. А ты молодец: не сломалась, не опошлилась, не спилась, работаешь, замуж вышла, сына родила... Я горжусь тобой, моя девочка! Огорчает одно: твоё курение.

– Я брошу, папочка, обещаю.

Отец улыбнулся и поцеловал меня в голову.

– Спасибо, что не забываешь меня, доченька. Самое главное – живи ради своих мужчин, люби их и будь ими любима!

– Спасибо, папуля.

– Прости, мне пора.

– Папа... А мы ещё увидимся?

– Может быть. Не скучай!

– Я люблю тебя, папочка.

– И я тебя, моя девочка.

Сказав это, папа также волшебным образом исчез. А я ещё долго стояла, не понимая толком, что это было, но слёзно моля бога, чтобы оно хоть когда-нибудь ещё раз повторилось.

23-го января 2019г.

«Умерла – так умерла!»

Сам не знаю, к чему, но вспомнился один случай: 2-го июля 2017-го года мы приехали на поминки к деду по случаю дня его кончины. Тому уже два года исполнилось. Добрейший человек дед был, с юмором, мастер был на всё: от постройки чего-нибудь – до ловли рыбы, игре на арккордеоне и травле разных весёлых баек. По сути, всё, что я умею, – это дедовы науки, и мне его сильно не хватает... Да простят меня мои близкие за такое моё единоличие.

И вот, идя обратно, я обратил внимание на одну могилу не далеко от дедовой: она была совсем заросшей, крест упал, венки поблёлкли... Словом, картина грустная. Не могу объяснить, зачем, но я подошёл к этой могиле и прочитал на табличке, привинченной к кресту: «Зайцева, Любовь Ивановна. 08 03 1945 – 23 04 2016». Я глянул на портрет покойной. Она довольно хороша была для своего 71-го года: лицо ухоженное, красивая, жизнерадостная улыбка и такие же улыбающиеся серые глаза, светло-рыжие волосы... Впрочем, нередко бывает, что родня умершего или умершей вешают ту их фотографию, где они лучше всего вышли при жизни. Глянув тогда на портрет, я как бы спросил покойную: «Что ж это, Любовь Иванова, вас так забросили?»

Тогда я ушёл с моими; но, сколько бы после мы ни приезжали к деду, могила Любви Ивановны так и оставалась без

изменений. И тут я спросил себя: «почему?»

И вот однажды ночью я увидел какой-то странный сон: сижу дома один, смотрю телевизор, как вдруг звонок в дверь. Я удивился, так как никого не ждал к себе, но всё же подошёл и открыл. Передо мной стояла та самая женщина с портрета на заброшенной могиле. Она была также хороша, как и там. Увидев это, на мгновение потерял дар речи и едва соображал, что происходит.

– Добрый вечер, – сказала покойница.

– Добрый, – ответил я, всё ещё обалдевая от увиденного.

– Позвольте войти? – спросила старуха.

– Да, пожалуйста! – ответил я, впуская свою необычную гостью. Мы вошли в гостиную, где я только что смотрел телевизор. Помню, еда мы вошли, старуха посмотрела в его сторону – и он тут же сам погас, хотя до этого работал. И это ещё больше удивило меня.

– Присаживайтесь, где вам удобно, – сказал я гостье. – Чай или кофе хотите?

После этого нелепого вопроса я тотчас опомнился: «Дуралей! Кому ты свой чай-кофе предлагаешь?! Духу?»

– Спасибо, не надо, – вежливо сказала старуха.

– Чем могу быть полезным, Любовь Ивановна? – спросил я.

– Видите ли, я неоднократно наблюдала, как вы, идя на могилку дедушки, с сожалением обращали внимание на мою заросшую, заброшенную могилу, – сказала Любовь Иванов-

на. – И я пришла к вам, чтобы рассказать, почему это так.

– Я весь в внимании, – ответил я, и старуха начала свой рассказ.

– Видите ли, я умерла ещё при жизни. – Эта фраза старухи удивила меня и перевернула мозги с ног на голову. – Я понимаю ваше удивление, молодой человек. Сейчас объясню, о чём я: была у меня дочь. Я её очень любила, она, как я наивно думала, тоже... Хотя на деле оказалось, что она меня «любила», пока я могла ей помогать с разными делами, в том числе и с детьми. Дочь моя – домохозяйка, хотя и с профессией учителя английского языка, замужем и имеет дух дочерей-близняшек. Оно понятно, если муж хорошо зарабатывает – зачем самой горбатиться? А у того есть авторемонтная мастерская, пользующаяся спросом и успешно работающая... Но я не о том. Надо сказать, что и «домохозяйка» моя дочь была условной: готовить она терпеть не могла, прибрать в доме тоже толком не умела... Словом, жила, как принцесса (в кого она такой уродилась?!). В общем, я приходила к ним, убирала, готовила, с внучками водилась, пока доченька или в салоны красоты шастала, или где-то гуляла с подружками... Словом, я была у них домработницей. Правда, в этой ситуации меня радовало то, что я могла видеть внучек, заниматься с ними или тискать их.

Так было до тех пор, пока однажды зимой я не попала под машину, идя по переходу к своему дому, и не стала инвалидом. Вот тогда всё изменилось: я, будто бы стала виноватой.

та, главным образом перед дочерью, в том, что так получилось, и что ей нужно было делать то, что делала я. Плюс к этому (не буду лукавить!) я и сама стала капризной, постоянно сердилась, ругалась по пустякам... Словом, вела себя некрасиво, за что очень бы хотела покаяться перед дочкой и её семьей, если бы бог дал вернуться. В общем, однажды терпение моих родных лопнуло – и они меня упрятали в дом престарелых. Если можно, я опущу подробности этого дела. Скажу, что там я жила до конца дней, и что дочь с зятем даже хоронить меня не приходили. Всё, нет меня для них. Такая вот история. Дай-то бог, чтобы их дети были бы к ним хоть чуть-чуть добрее и терпимее, и не обрекли бы их на такую же одинокую старость.

Докончив свою историю и простившись со мной, старуха ушла из квартиры. Едва закрылась дверь, как я проснулся. В памяти всё оставалось ясно, даже и выше написанный рассказ старухи, словно всё происходило наяву. А, может, и впрямь было?

Однако, как бы то ни было, а, приезжая к деду, я вижу всё ту же заброшенную могилу Любви Ивановы Зайцевой. Умерла – так умерла.

14-го августа 2020г.

«Это мой последний дом»

Здравствуйте, добрые люди! Зовут меня Телегин, Василий Макарович. Я живу в доме престарелых уже три года как. Как мне здесь живётся? Да, можно сказать, хорошо: есть, с кем и пообщаться, и поиграть в шахматы, в домино; да и в комнатах у нас всех чистенько, опрятно, хорошо... Словом, грех пожаловаться! Да и относятся к нам тут тоже побожески. А вот как я сюда попал – это уже другой вопрос и об этом я попробую вам рассказать. Был у меня сын... Точнее сказать, он для меня и поныне ещё есть, а вот я для него был. Зовут его Ваня, и он теперь уже взрослый человек. Знаете, мы с покойной матерью его всю жизнь положили на то, чтобы он стал достойным человеком. Я занимался с Ванюшкой спортом, поскольку сам преподавал физкультуру в школе, в лес за грибами и ягодами с ним ездил, на рыбалку его брал, а жена занималась его духовно-нравственным воспитанием: к книгам хорошим приучала, водила на интересные спектакли в ТЮЗ, на балеты и фильмы... Словом делали сына человеком.

Шло время, Ваня рос, учился в школе... Точнее было бы сказать, учились я и мать, а сын просто в школу ходил, поскольку учиться он ненавидел. Впрочем, и тут следует сделать поправочку: до 7-го класса нам с матерью ещё удавалось это дело контролировать и направлять его на правиль-

ный путь словами, а начиная с 7-го класса пошли скандалы по поводу его учёбы и домашних заданий, доходившие порой до оскорблений матери и драк со мной. Отчасти и из-за этого жена раньше времени в гроб слегла – не выдержало материнское сердце сыновних обид. Остались мы с Ваней одни. Он с грехом пополам закончил девятый класс и пошёл работать на автомойку, заявив, что больше учиться не хочет. Армия Ване не грозила по причине проблем со зрением (что правда! Ещё в 7-м классе у Вани почему-то сильно село зрение и ему прописали очки для постоянного ношения). Честно говоря, я иногда всё-таки жалею, что он в армию не попал – может быть, она-то бы и ввинтила ему мозги на место. Нельзя сказать, что меня не радовало, что сын работает, а не ворует и вообще не вяжется с криминалом; но мне откровенно не нравился его, как мне кажется, разгульный образ жизни: он нередко мог пропасть на двое-трое суток у кого-то из своих друзей, где они отдыхали, выпивали, а, возможно, и с девками кувыркались... Наверно, вы меня спросите, откуда я про девок знаю? Да просто один раз, ближе к полуночи, я позвонил Ване, чтобы узнать, как он (а он как раз был у одного из своих приятелей!), и когда Ваня ответил – в трубке послышался девичий хохоток... Ну, и я подумал, что там молодёжь отдыхает по полной программе. Впрочем, был ещё момент, о котором я расскажу попозднее. Первое время я объяснял это безобразие тем, что сын ещё молод, не нагулялся и всё такое прочее; но, однако Ване дотикавал 25-

й год, когда пора бы остепениться и подумать о семье, о детях и о нормальной жизни. Словом, пора бы было найти нормальную девушку, жениться и детей рожать! И надо сказать, я однажды затевал с Ваней такого рода разговор, чтобы хоть немного образумить моё дитя... Но не тут-то было: Ваня ни о чём таком и не помышлял, по-прежнему таскался по своим друзьям и валялся с бесстыжими девицами. Помню, одну такую он рискнул притащить к нам в дом и объявил мне, что будет с ней жить. До сих пор в памяти это человекоподобное существо: рыжая, вся разрисованная, как индеец перед боем, напомаженная, в какой-то непонятной курточке, за которой виднелись её прелести, и в юбчонке, едва-едва прикрывающей заднюю часть тела девушки... В общем, шлюха шлюхой! Не скрою, объявление сына, что он будет жить в нашем доме с этой дрянью, взбесило меня – и я за шиворот вышвырнул девушку вон из квартиры. Когда Ваня попытался выйти за ней я стал его задерживать – завязалась драка, в которой я проиграл, так как сын ударил меня так больно, что я на какой-то момент перестал понимать, что происходит. Ваня убежал, а я, уже очухавшись, всю ночь провёл один без сна. Сидя на кухне и попивая чай, я пытался понять: что я сделал не так? Неужели это мне расплата за то, что я хотел приучить сына жить, как человек: то есть, как тот, у кого есть не только своё Я, которое лучше бы засунуть в задний карман, но и долг – перед родными, перед семьёй, перед родителями? Неужели сегодняшний человек – это тот, который совершенно свобо-

ден от всяческих долгов и обязательств, и который живёт, не дую в ус, и наслаждается этой жизнью? И, наконец, неужели мы, родители, вырастив наших чад, становимся помехой в этой их жизни? Судя по моей ситуации, да. Утром, собрав свои вещи, я написал Ване записку: «Живи, как хочешь и с кем хочешь! Я ушёл навсегда. Если хочешь – считай, что я умер». Сделав это, я ушёл сюда, в дом престарелых. Сына с тех пор я больше не видел.

Впрочем, я слегка оговорился: до того, как попасть сюда, я некоторое время погостил у одного своего школьного друга. Он давно вдовец, дочь своей семьёй живёт, так что мы бы никого не потеснили. И вот, выпивая помаленьку, я поведал ему и про Ваню, и про наше житьё-бытьё... И, будто бы между прочим, я ему сказала, что хочу отдать сыну квартиру, и уйти в дом престарелых.

– А что ж туда? – спросил друг. – Живи у меня! Всё равно один кукую.

– Я подумаю, – ответил я.

– А чего думать? Оставайся, да и всё! – сказал мне друг. – А с квартирой можно к моему зятю подойти, он работает нотариусом, вот с ним и сделаем дарственную.

Так мы и сделали, после чего я отдал дарственную Ване. Поверите, он мне даже «спасибо, папа» не сказал: холодно взглянул на бумажку, да и сунул её в папку с документами. Я тоже холодно взглянул на него, да и пошёл прочь, поняв, что мне с этим выродком говорить не о чем. Что же касается

предложения друга жить у него, то я решил сделать по-своему, обещая при этом навещать его.

25-го февраля, 2018г.

«Моя соседка Лиза»

Погожим майским днём я приехал к маме на кладбище в день её рожденья, чтобы и прибраться у неё, и новые цветы посадить, и почтить её память. Идя от мамы, я зачем-то обратил внимание, как на одной из могил в том же ряду хлопочет женщина лет 40-ка или чуть больше, при этом хорошенькая, светловолосая и милым лицом. Я помню большие серые глаза, в которых, по выражению одной из героинь Пушкина, слёзы мешаются с улыбкой, да губы с той же полугрустной улыбкой. Одета женщина была в синие джинсы и черную футболку, а на руках у неё были белые хозяйственные перчатки. Она прибирала могилу девушки 15-ти лет. Как сейчас помню её имя: Потёмкина, Елизавета Андреевна. 03. 01. 2003 – 19. 08. 2018гг. И ведь тоже хорошенькая была! Глянув на портрет, привинченный к кресту, я увидел хитровато-улыбающееся лицо, такие же светло-серые глаза, в меру пухлые губы и длинные, спиралевидные волосы. Не скрою, меня слегка удивило, что женщина так тщательно прибирает могилку девушки, так как они даже внешне не походили на мать и дочь. «Может быть, – думаю я, – она покойной тётей приходится?»

– Бог в помощь! – сказал я женщине – она испуганно оглянулась. – Простите, что испугал.

– Ничего! – ответила незнакомка.

– Это ваша племянница? – осторожно спросил я.

– Это моя подружка, – ответила женщина. Я подумал, что она бредит.

– Какая же она вам подружка? Она ж моложе вас лет на двадцать!

– Просто мы были соседками по улице, виделись частенько, гуляя с собаками, разговаривали, так и сдружились, – объяснила женщина.

– Что ж, это немного меняет дело, – ответил я, будучи сам хозяином лабрадора. – Но почему вы ухаживаете за могилой умершей? Что, у неё родни нет?

– Она и живой даром никому не нужна была, а мёртвой и подавно! – ответила женщина. Я так и обалдел.

– Как же это так?!

– А я вам расскажу! – ответила женщина. Мы присели на лавочку, стоящую напротив могилы девушки, и она начала свой довольно горький, но в это же время и полный любви, тепла и нежности рассказ.

Мы с Лизой познакомились прошлым летом. Был тёплый вечер, мы гуляли с собаками: у неё был красивый чёрный дог по кличке Гек, у меня – немец по кличке Бим. Поздоровались, разговорились.

– Вы как давно в наш район переехали? – спросила я её.

– Да скоро неделя, – ответила Лиза. – А вы давно здесь, тётя Марина?

– Так, стоп! – говорю я. – Вот слово «тётя» давай удалим

из твоего вопроса? И будем на «ты»! Соседи же!

– Но вы же старше меня, – ответила Лиза.

– Пусть это тебя не пугает! Хорошо? – говорю я.

– Хорошо! – ответила Лиза, слегка ещё стесняясь.

Знаете, я не то, чтобы моложусь изо всех сил (слава богу, я не настолько больная идиотка!), но просто я не люблю, когда человека в разговоре со мной это как-то отгораживает и делает наше общение зажатым, несвободным.

– Так вот, – говорю я Лизе, – живу я здесь с рождения, здесь же и работаю в издательстве «Живое слово» переводчиком и иллюстратором. Сейчас, правда, в отпуске, но даже и на это время взяла себе работу.

– Зачем? – спросила Лиза.

– Да чтобы моё серое вещество не превратилось в зелёное, – пошутила я – Лиза слегка улыбнулась.

– Понимаю, сама после каникул трудно настраиваюсь на рабочий лад, из-за чего порой «двоек» бывало до кучи, – призналась она. Я ей невольно посочувствовала, так как сама в школе не во всём блистала. – А когда же вы отдыхаете?

– Лиза, мы же договорились быть на «ты»! – поправила я её – она извинилась. – А на счёт отдыха скажу: например, сейчас, гуляя с собакой, я отдыхаю. А ещё могу бельишко постирать-погладить, приготовить поесть, прибраться... То есть, для меня отдых – это смена дела. Впрочем, я не брезгую поехать не далеко на пляж или на озеро и маленько там поплавать, позагорать.

– Я сама люблю поплавать и позагорать, – сказала Лиза с улыбкой. – А ещё люблю гонять на велеке, на роликах, и играть в разные подвижные игры.

– Ясно, – отвечаю я. – А вы как в наш район попали?

– Да мама решила обменять нашу старую квартиру на эту, плюс ей предложили новую работу... Вот так мы и перебрались к вам.

Ответ Лизы был каким-то смазанным, что ли, не уверенным, но я и не стала её сильно расспрашивать. Спросила лишь, кто её мать по профессии?

– Она журналист, – сухо ответила Лиза и поспешила задать свой вопрос. – Марина, а давай, например, в субботу поплаваем или погуляем по городу?! А то я здесь ещё толком ни черта не знаю.

– В субботу не выйдет, так как я приглашена подружкой в гости на дачу, – отвечаю я, – а так я к твоим услугам.

На том и порешили, и, обменявшись телефонами и контактами на страницах в сети, расстались.

– Скажите, Марина, а вам не показалось странным, что дочь так скупно и сухо говорила о матери? – спросил я свою собеседницу.

– Показалось, но я решила тогда оставить всё, как есть, и ни о чём девчонку не расспрашивать, отложив это на более удобный случай, – ответила Марина.

Попив чая из термоса, Марина продолжила свой рассказ. Я же с ещё большим интересом слушал, будто хищник-жур-

налист, охотящийся за «жаренными» фактами. Помню, я на автомате вынул сигарету и хотел закурить, да опомнился.

– Курите-курите! Мне это не мешает, – сказала Марина, и я закурил. Марина продолжала свою историю. – В ту субботу утром я уехала к подруге в гости на дачу. У Лизы также кое-какие дела всплыли, о чём она мне написала в сети. А ещё она тогда написала, что немного скучает по мне. Признаюсь, меня это и тронуло, и слегка удивило. И всё же мы умудрились и на пляж съездить поплавать, и погулять по городу (я ей его заодно показывала!), и в парке на роликах покататься... И вот во время одной из таких прогулок я, как бы между прочим, спросила Лизу о её жизни.

– Я даже не знаю, что тебе сказать, – начала Лиза. – Отца я не знаю вовсе, а мать, как чумная, кинулась в романы. Кстати, она и сюда переехала ради своего нового главреда, с которым у неё явно шуры-муры. – Услышав это, я слегка обалдела, а потом осторожно спросила Лизу, откуда у неё такие сведения? Помню, она тогда покраснела, будто бы ей предстояло рассказать о каком-то своём постыдном поступке. – Знаешь, было один раз, когда мама приехала домой вместе с боссом. Она нас познакомила (как сейчас помню, его зовут Антипов, Евгений Николаевич!), и велела мне сделать чай и что-нибудь поужинать. Я скоренько всё сделала, благо, ужин был готов, прихожу в гостиную, чтобы сказать, что всё готово, а там... В общем, они целовались, и этот гад лапал маму за попу. Поверишь, мне так мерзко стало, словно это

меня лапали. Зато для мамы всё было нормально! Когда я кашельнула, чтобы привлечь её внимание, она обернулась ко мне, даже не покраснев. Я сказала ей, что всё готово, и что я пошла спать. Мне не хотелось ужинать с этими бесстыжими людьми. На другой день я попыталась поговорить с мамой об этом всём, попросила объяснить то, что я видел и её поведение, но в ответ мне было сказано, чтобы я не лезла не в свои дела, а следила за собой. С тех пор мама почти что живёт у с этим типом в его доме (благо, наши дома рядом!), а дома бывает лишь на выходных, да и то только для того, чтобы поменять какие-то свои вещи и надавать мне поручений. Вот и всё наше общение. Иногда я думаю: «А зачем я матери нужна?»

Сколько себя помню, я её всё время раздражала чем-то. По-моему, я виновата перед ней уже в том, что просто родилась на свет, так как мама меня ругала даже тогда, когда или ругать было не за что, или повод был на копейку, как, скажем, грязная посуда. Ей тупо надо на меня наорать, а за что – неважно! Любви же я от неё не видела. Вот так мы и живём.

Закончив свой печальный рассказ, Лиза попыталась не заплакать, но не смогла. Я обняла её, поцеловала, погладила по спине... Она успокоилась и поцеловала меня в ответ.

– Спасибо, что ты меня выслушала, – сказала Лиза. – Я тебя люблю.

– И я тебя люблю! – ответила я, и мы вновь обменялись поцелуями. – Если тебе когда-нибудь будет трудно или про-

сто плохо, приходи ко мне и расскажи об этом.

– Хорошо, – сказала Лиза, и разговор сменил направление.

Поверила ли я Лизе? К сожалению, да, так как, работая одно время психологом в школе, посмотрелась на это (и не только!) под завязку. А с одной из таких мамаш была лично знакома со школы. Так что о чём мы говорим?! Надо сказать, я посочувствовала Лизе тогда, поскольку сама знаю, что такое одиночество: я в прошлом году потеряла в один день маму, мужа и сына, которые погибли в автоаварии, едучи с дачи, и теперь лежат по правую сторону кладбища.

Знаете, мне помнятся не только горькие моменты с Лизой, но и просто светлые. Например, когда мы купались на пляже, плескаясь друг в друга водой, кода валялись на берегу, загорая, и просто весело болтали о том и сём... Скажем, рассказывая какие-то забавные школьные истории, или я рассказывала ей о переводимой мной книге. Помню, я даже как-то нарисовала Лизу, лежащую передо мной на зелёном полотенце, в розовом купальнике. До сих пор помню и стройную фигурку Лизы, и её длинные ножки... Как же ловко она на них бегала и прыгала, играя со мной в бадминтон! Впрочем, если вернуться к рисованию, я рисовала Лизу не только на пляже, но и в парке, мечтающей на скамейке. Словом, мы неплохо время проводили.

Однажды мне надо было уехать к двоюродной сестре, у которой умирала мама. Я Лизе тогда сказала, что уеду мак-

симу на неделю, и что я на связи в любое время. Первые два дня переписывались, а на третий связь оборвалась. Знаете, не то, чтобы нам делать было нечего, особенно мне; но когда ты весь день бок обок с умирающей тётёй, то с ума рехнёшься от тоски. И Лиза все эти два дня поддерживала меня, утешала, как могла, чтоб мне было полегче... Не скрою, когда связь пропала, меня это слегка и удивило, и взволновало; однако я подумала, может, болеет или занят, раз не отвечает, и решила не «капать» девочке на мозги.

А, приехав домой, я узнаю от другой своей соседки, что Лиза умерла. Я была в шоке... – Марина снова всплакнула, затем, попив чая из термоса, продолжила. – Я спросила соседку, как умерла Лиза? А она мне, что, мол, повесилась, что сама видела, как её из петли вынимали и упаковывали. Знаете, я первые дни не вверяла, что Лизы больше нет... Я думала, выйду с собакой, увижу её, и мы поцелуемся от души! Но, увы. Скажу больше: я слабо верю в то, что Лиза повесилась. Жилось ей не сладко, но не до такой степени, чтоб до петли дойти. Впрочем, как бы то ни было, а светлая ей память, бедной девочке! Вот и здесь мы случайно и свиделись, когда я от своих ехала. Сама не знаю, зачем я посмотрела в эту сторону, и случайно увидела могилу Лизы. Помню, я подошла к ней, положила две конфеты, а после долго и горько плакала, как по родному и любимому человеку.

– А что же мать? – спросил я Марину.

– Мать? – отозвалась она, и глаза её вмиг вспыхнули от

гнева. – Я бы сказала, какая она мать, да место неподходящие для этого слова. Поверите, сколько раз её встречала, ни тени горя на лице, всегда с любовником, навеселе... Будто не её дочь полезла в петлю. Вот вам и мать! И то, что я ухаживаю за могилой её дочери, думаю, тоже говорит, какая она мать.

На этом и кончилась история Марины, и мы, молча, пошли к стоянке. Вот и я теперь промолчу.

25-го ноября 2020г.